

Владимир Гарасев

Время мертвых героев

Владимир Гарасев

Время мертвых героев

«Издательские решения»

Гарасев В.

Время мертвых героев / В. Гарасев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507531-4

Если вы начали понимать, что: город-офис-день-сурка — это слишком мало; секс-от-скуки — это еще меньше; шоппинг-клуб-ресторан — это почти ничего. Если вы настаиваете, что интересное должно происходить с вами не в фэнтези и компьютерных играх, а в реальности. Если вы чувствуете, что и ваша работа, и привычные способы убивать время не вызывают у вас ощущения жизни. И вообще начинает казаться, что вам нужно то, чего у вас нет — тогда я предлагаю вам мои книги. Владимир Гарасев

ISBN 978-5-00-507531-4

© Гарасев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Время мертвых героев

Владимир Гарасев

© Владимир Гарасев, 2019

ISBN 978-5-0050-7531-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Москва, недалекое будущее

Когда она добралась домой, на телефоне значилось три непринятых вызова. Она слышала их. Но она видела, кто звонит, и не хотела говорить со звонившими в метро.

Время – девять двадцать.

Наверное, можно позвонить маман.

Она набрала номер.

– Это я... Ты не за рулем?

– Я дома.

– Не отвлекаю?

– Нет. Собираюсь ужинать, но могу подождать.

«Собираюсь...» Пока она жила дома, они ужинали втроем – она, маман и отец. Маман приезжала с работы поздно, но ее ждали. Так было всегда, с самого ее детства. Она не живет дома чуть больше года, с тех пор, как окончила универ. Но этого хватило, чтобы родители перестали ужинать вместе.

– Я уезжаю. Послезавтра утром.

– В Индию, как хотела?

– Нет. Делийский офис эвакуировали. Было два попадания... никто не пострадал, правда.

– Два попадания?

– Ну да. У Пакистана ведь есть ядерное оружие.

– И что ты смогла отхватить вместо Индии?

– Центральноафриканский офис. Отдел маркетинга.

Маман усмехнулась:

– Ты знаешь анекдот про «оба хуже»?

– Я их несколько знаю. Говорят, первую версию придумали еще при Сталине. Она была не про чуваков, а про конституцию.

– Вот и надо посылать туда чуваков. Которые «оба хуже». Которых не жалко.

– Я давно напрашивалась. Очень старалась, между прочим.

– Дура, что тут сказать.

Она изобразила подчеркнуто иронический тон:

– А сама бы ты не поехала! Учитывая, как помогает запись о зарубежном опыте в личном деле!

– Поехала бы. Потому что тоже дура была. Яблочко от яблони, оно ведь недалеко падает... Других зарубежных офисов для тебя не нашлось, красotka?

– Не дотягиваю. В первую очередь, по блокирующему параметру отсутствия родственников в правлении.

Маман снова усмехнулась:

– Какие уж есть... Что так быстро? Переводы не сразу решаются. Или ты скрывала, чтобы сделать мне приятный сюрприз?

– Сегодня вызвали и предложили. Оттуда срочно свалил сотрудник.

– Почему свалил – узнавала?

– Конечно. По направлению психоаналитика. Там зона безопасности «В». Это не очень страшно. В Индии перед эвакуацией была «Г», потом «Д». Но некоторым, говорят, это давит на мозги. Фобия вторжения. Если такое случается, отправляют в Россию. Сначала месяц отпуска, и всякие психологические мероприятия. Если не помогает – серьезная реабилитация и работа здесь минимум год.

– Думаешь, твои мозги крепкие?

– Думаю – непробиваемые.

Маман засмеялась; в смехе проскальзывали хрипловатые нотки.

– Правильно. Так и настройся. Ты должна о себе думать. У тебя в правлении никого нет...

Так когда летишь-то?

– Послезавтра. Завтра весь день тренинг в учебке эм-чэ-эс.

Потянулась пауза.

– Собственно, это все мои новости.

Маман еще помолчала.

– Ладно... Ну что же – удачи тебе. Приедешь – позвони, расскажи, как там. Если не секретно, конечно.

– Эти секреты каждый день показывают на ночь по ящику. По нескольким каналам. И некоторые получают фобию вторжения, не вылезая из домашнего кресла... Нет там секретов. Такое же гавно, как в любой зоне «В».

Маман усмехнулась:

– Тебе фобия не грозит.

– Мне вообще ничего не грозит. Все плохое, что со мной могло случиться, случилось до моего рождения. Дедушка не стал большим боссом. Бабушка не вышла за другого дедушку. В роду не было натуральных блондинок выше метр семьдесят пять. И вообще блондинок не было... Так что поздно бояться.

Маман засмеялась:

– Ладно прибедраться-то. Метр семьдесят пять... Метром-шестьюдесятью-восемью не обходишься? Скажешь, не хватает?

Она тоже засмеялась.

Номера, которые определились в метро...

– Когда как...

– Не прибедрайся. Все у тебя нормально. Все ты умеешь. Все делаешь правильно... Ну-ка, скажи мне – что самое главное?

Она улыбнулась – она давно знала ответ:

– Самое главное – помнить, что надеяться на на кого.

– Точно. Ты умная девочка. Мне скажи спасибо.

Она еще улыбнулась:

– Спасибо...

Снова повисла пауза.

– Ладно, вали давай в свой центральноафриканский отстойник для неудачно родившихся. Долгие провода – лишние слезы... Или что-то еще?

Она отрицательно покачала головой – она привыкла всегда вести себя так, словно на нее смотрят:

– Нет, к счастью. Отсутствие новостей – уже хорошая новость.

Маман усмехнулась:

– Актуально... И... ты все-таки осторожнее там. Братишек-сестреночек у тебя нет.

– Само собой...

– Ладно... Тогда пока?

Она кивнула:

– Пока.

Подержала смартфон, подумала.

Нет. Подождут. Она устала. Надо влезть в душ, потом пожрать, посидеть спокойно, а потом она всем позвонит.

Никого, блин, не забудет.

С чего бы начать?

С того, что покорооче.

Она набрала первый номер.

Голос ответившего слышался на весьма характерном фоне.

– Что ты хочешь мне сказать?

– Ты приедешь?

– Куда?

– Ну... куда обычно...

– Ты забыл название клуба, в котором сейчас сидишь, и в котором бываешь три раза в неделю?

– Я? Не... почему забыл?

– Не знаю, почему. В «Дикобраз»?

– Ну да.

– Не приеду.

– Почему?

– Не хочу.

– Да ладно, слышь, приезжай... завтра выходной...

– Нет. Голова болит. И все остальное. И все критические дни случились одновременно.

Не хочу.

– Ну... ну ладно тогда...

– Пока. Звони...

Отключаем.

Один звонок есть.

За вторым голосом была тишина. Относительная, правда – кажется, работал телевизор.

Но явно тише, чем в клубе.

– Что ты хочешь мне сказать?

– Ну... так, позвонил узнать, как дела.

– Я в понедельник не выйду. Уезжаю. Надолго.

– Во как! Куда?

– В Африку. Перевожусь в тамошний офис.

– Ого... Круто! Типа, пальмы и бананы, и все дела!.. То есть реально едешь в Африку, да?

– Я же говорю – еду. Реально.

– Ну и ну! Вот, человек в Африку едет! Странно как то...

– Почему странно?

– Ну, все ездят в Крым, на Кавказ... Пицунда, типа круто! Как мы там тусили летом, помнишь?

– Помню.

– Круто, да?

– Да, круто.

– И вообще... вообще, круто было. Ты вообще куда летом?

– Понятия не имею. Я не знаю, когда приеду в отпуск.

– Почему? В том офисе не планируют заранее отпуска, что ли?

– Я не знаю, что они там планируют. Оттуда люди иногда приезжают потому, что им дают внеочередные отпуска. По направлению психоаналитика.

– А... Круто – внеочередные отпуска! Типа, идешь к психоаналитику, говоришь – у меня проблемы. Он тебе – опа! – и отпуск! Внеочередной! И едешь в Пицунду...

Она зевнула:

– Ну да... едешь... круто...

– А чего – не круто?

Она кивнула:

– Круто.

Явилась пауза.

– Мы с Лысым сегодня захватили Кабул.

Она очнулась:

– Что вы сделали?

– Кабул захватили. Опа! Кабул, круто! В «Глобал Страйк». С Лысым! А Лохматый все такой: не возьмете, не возьмете... Я говорю: Лохматый, все будет круто! Возьмем! Он такой: да не, да ты чо, ты не сможешь против компьютера, у тебя такой рейтинг... Я такой: Лохматый, у меня больше твоего рейтинг! Все будет круто! Он: да не, да не... Я говорю: давай, если захватим, ты пострижешься. Наголо. Будешь Лысый-два. А то уже надоели твой кудряшки крашенные. Ты уже полгода кудрявый. Он: да ты чо, типа... Ну, договорились, что если захватим, он перекрасится... Слышишь?

– Слышу.

– А чего не спрашиваешь – в какой цвет?

– Я знаю. В радугу. С голубой челкой.

– Да ладно! Его в таком виде в проходную не пустят! Ну, можно в белый. Или в седой... Да он уж всякий был, ему уже красится не во что... Шесть часов! Прикинь! Шесть часов!

– Что шесть часов?

– Шесть часов брали Кабул! После утренней планерки как сели... Устали – не поверишь как! Хорошо, домой было скоро идти... Завтра скажу: типа, Лохматый, думай, во что будешь перекрашиваться! Точно! Завтра скажу: Лохматый, думай, во что перекрашиваться будешь!

Отчего так хочется спать?

Может оттого, что эти двое на той неделе брали Багдад, а до того еще Дели, а еще до того...

– Ты извини. Мне вставать завтра рано. Меня на дачу пригласили.

– Да? Кто?

– Ты его не знаешь.

– А... а что на даче?

– Снегоходы.

– А! Снегоходы – круто!

– Круто. Ты извини. Спать очень хочется.

– А... ну ладно тогда...

– Ты не обижайся. Я тебя чмокаю и поздравляю с победой. Ты у меня крутой. Звони... Дели... когда они его взяли? На прошлой неделе был Багдад. Об этом ей тоже рассказывали. Дели – на позапрошлой...

Почему она вспомнила? Обычно она не помнит, что он говорил минуту назад.

Потому что совсем перед этим в Дели было два попадания. Говорят, ракет было больше, но почти все сбили. Прошли три. У одной возникли проблемы с наведением, и она ушла куда-то за город. Попали две. Что-то около тридцати килотонн суммарно. С соответствующими результатами. А на следующий день эм-чэ-эсовскими самолетами эвакуировали все российские офисы. Туристов там давно нет... В конторе, конечно, все сразу узнали, что их делийский офис эвакуирован. Важная новость! Ведь всех этих людей компания должна трудоустроить. Обсуждали весь день – кого куда назначат, кого передвинут... Вот эти глобалстрайкщики и решили взять Дели. Непосредственная детская реакция на ситуацию. Весь мир – погрешка...

Как от этого устаешь! Хорошо, что в разговорах с ним не надо много говорить самой. Достаточно делать вид, что слушаешь. Вникать не обязательно. Он говорит примерно одно и то же. «Глобал Страйк», кто во что покрасился, татушки, пирсинги... Интересно, кто из них первым сделает пластику – он, Лысый или Лохматый?

За третьим голосом тоже была тишина. Только теперь уже полная.

– Что ты хочешь мне сказать?

– Я... я слышал, что ты уезжаешь.

– Да. В Африку. Типа, пальмы, бананы и все дела.

Перестань. Нечего над ним смеяться. Он не красится и не играет в «Глобал страйк».

– Ты мне не сказала...

Вот уже и чувствуешь себя виноватой! Не сказала. Забыла. Она вообще редко о нем вспоминает. Он всегда звонит сам...

Неужели ты не можешь уделять ему побольше внимания? Понятно, что не хочешь. Понятно, что он тебя не заводит. Но ведь он нормальный человек. Хотя бы из уважения к этому...

– Извини. Закрутилась. Я сама только сегодня узнала. И... там... там зона «В», я немного волнуюсь... Завтра на тренинг поеду – разбираться, что там и как.

– А... это реально опасно?

Она сделала небольшое усилие, и рассмеялась:

– Да нет, это формальности. Надо же каждому месту присвоить какую-то категорию безопасности. Африка – это точно не «А»... – она снова засмеялась, – хотя точно «А» с другой стороны... И не «Б», потому что «Б» – это только крайний юг Африки, там уже давно все стабильно. То есть, надо присвоить какую-то другую букву, а следующая буква, если не ошибаюсь – именно буква «В»...

Ответом ей было молчание.

Начинается...

Давай сама.

– Что у тебя нового?

– Да так... ничего...

– В клубы ходил?

– Да нет...

– Играл во что-нибудь? У нас в отделе обожают «Глобал Страйк».

– Да я как-то... не играю... то есть играю, но редко...

Снова молчание.

Блин!!!

Молчание.

Молчание...

– Ну приезжай давай! Слышишь? Приезжай! Только не молчи, блин! Приезжай...

– Сейчас?

– Да. И побыстрее. Я завтра с двенадцати на тренинге. Сможешь приехать прямо сейчас?

– Конечно...

– Давай. Пробок уже нет. И лучше вызови такси. Пятнадцать минут прождешь, зато доедешь быстрее, чем сам.

Можно было не уточнять, что «чем сам»...

Он не заметил. Он сейчас радуется, что получил, что хотел, и не надо больше молчать и мяться, чтобы в сотый раз напроситься потрахаться.

– Я сейчас...

– Давай. Я жду.

Тишина.

Тишина, тишина, тишина.

Здесь южная окраина Новой Москвы. В десять вечера на улицах никого. Редкая тачка проедет – и снова тишина.

Даже в ушах звенит...

Она постояла посреди кухни, посмотрела вокруг.

Прощай, место, приютившее ее на полтора года! По возвращению она снимет другую квартиру.

Прощай, бывшая в эти полтора года жизнь!

Но был еще один номер, по которому она должна была позвонить.

Этот звонок она откладывала на потом. Ей хотелось позвонить. Пожалуй – очень хотелось. Но странное, скверное чувство появлялось у нее тем больше, чем ближе был этот звонок. Чувство потери. Оно всегда было. С самого начала, едва она познакомилась с этим человеком.

Она набрала номер.

Он ответил. Разумеется, тишина. Он живет один. Телевизора у него нет.

– Слушай... Я хочу тебе сказать... Я уезжаю. Надолго. Буду работать в нашем центральноафриканском офисе. Года два, наверное. Больше не надо, это просто для красивой строчки в личном деле. Но два года я буду приезжать только в отпуск.

И почувствовала – на глазах появляются слезы.

– Но ведь будешь? Два раза в год? Так ведь?

...которые он слышал...

– Буду. Два раза в год. Как только смогу.

– Это целых четыре раза по две недели. Это не так уж и мало.

– Две недели в полгода – это не мало?

– Это даже много, если подумать, сколько людей много лет не имеют ничего, на что действительно хочется потратить время. Если у тебя есть хоть что-то – ты уже богата. У большинства нет ничего.

«... что самое главное? Что надеяться не на кого...»

– Да. Ничего.

Она замолчала.

Потом сказала:

– Ты извини, что я не приеду к тебе перед отъездом. От меня сейчас радости мало. Буду сидеть и распускать сопли. Давай лучше я приеду через полгода, – она усмехнулась сквозь желание заплакать, – типа, загорелая, веселая и очень довольная... довольная, что у меня целых две недели в... в полгода...

Она все-таки заплакала.

– Извини... извини... что-то не то со мной... переволновалась, наверное...

– Все с тобой в порядке. Переволновалась. Все совершенно естественно.

– Забудь, как я сейчас себя веду. Помни меня веселой и довольной. Представь, что я сейчас веселая и довольная, – она всхлипнула, – можешь?

– Конечно. Ты и должна быть веселая и довольная. Для того, чтобы ты была веселая и довольная, утром появляется солнце, и делает так, чтобы все желающие могли тобой любоваться. Я очень хорошо вижу это сейчас.

– Спасибо...

Она помолчала.

Потом сказала:

– Что мне делать, а? Вообще, по жизни? Я одна. Столько всяких знакомых, а я одна. Чем их больше, тем безнадежней. Ты не хочешь, чтобы мы... чтобы мы были вместе. Что мне делать?

– Мы вместе. Настолько, насколько это хорошо для тебя... Мне пятьдесят восемь лет. И уже один инфаркт. Я понятия не имею, сколько еще со мной можно быть вместе. Было бы со здоровьем получше – придумали бы что-то еще.

– Ты работаешь много. Ты совсем не отдыхаешь.

– Когда я перестаю работать, то чувствую, что у меня ничего нет. Я не про нас. Про другое... А сейчас идут большие деньги по госпроектам, можно многое сделать. Что будет потом – никто не знает.

Слезы куда-то исчезли.

– Все равно. Так нельзя. Должно быть что-то еще, кроме работы.

– Должно. Ты, например.

– Этого мало. Что-то такое, в чем ты ни от кого не зависишь. Я думаю, тебе нужно найти что-то такое, что давало бы тебе... то, для чего жить, и при этом зависело только от тебя. Самое главное, что у тебя есть, должен контролировать только ты!

Он рассмеялся:

– Тебе очень помогает наличие проблемы, которую нужно решить. Ты становишься... хотел сказать – самой собой, но усомнился.

– Да, правильно. Это наполовину маска. Привычная маска. Неизбежная, потому и привычная. От нее просто некуда бежать... Ладно, это не лучшая тема – она опять ведет к несчастной одинокой, блин, девочке. Которой некуда бежать от своей маски решательницы всех проблем, потому что надеяться – не на кого. А я хочу казаться веселой и довольной. И не казаться манипуляторшей, которая играет несчастную и слабую, чтобы заставить чувака пустить ее в свою жизнь.

– Ты не можешь показаться манипуляторшей. Ты же мне рассказывала про эти манипуляции.

– Хорошо, если так. Потому что иногда мне очень хочется позволить себе ею казаться! Устроить истерику на тему: жизнь проходит зря, сделайте что-нибудь!!! Знаешь... Все так благополучно вокруг. Все у всех есть. Все прикалываются, веселятся. Но иногда смотришь на это веселье – и вдруг такой приступ тоски! Ощущение: ничего у меня на самом деле нет. Главного нет. Чувствуешь – жизнь такая бедная! В ней так нечего делать! И страшно от мысли, что так будет всегда...

Она замолчала. На секунду – он ничего не успел ответить.

– Все – я перестаю тебя грузить.

– Ты меня не грузишь. Мне очень нравится, что ты говоришь мне то, что не говоришь другим. Ты ведь не говоришь другим о том, что жизнь бедная, и что у тебя есть проблемы?

– Что ты! Конечно, нет. Никогда... Но ты не должен это во мне поощрять. Это слабость. А надеяться не на кого. Если я буду расклеиваться – мне вообще конец. И знаешь... давай пока на этом закончим. Сложно мне сейчас казаться веселой и довольной. И перед тобой стыдно. Я понимаю, что имею право пожаловаться иногда. Если кому-то никогда не жалуются – значит, его не считают своим... Но все равно неудобно. Не люблю я жаловаться... Давай я позвоню тебе послезавтра. Вечером. Как прилечу. Там время почти московское. Два часа разницы, что ли. Устроюсь, посмотрю, что там и как, и позвоню. Хорошо?

– Хорошо, малыш. И... банальное пожелание – будь осторожна. Ты умная девочка, учить тебя нечему. Сама поймешь, что надо делать. И все-таки просьба: будь осторожна.

Она кивнула:

– Я знаю. Знаю... буду...

– Ну что – тогда до звонка?

– Да. До звонка.

Несколько секунд она смотрела на замолчавший телефон.

Потом сказала:

– Я тебя люблю. И ни хрена я не умная. Умные видят выход. А я не вижу. И я очень боюсь, что так и останусь одинокой несчастной девочкой. С полным набором на хрен не нужных погремушек... Навсегда.

Ей снова хотелось плакать.

Глава 2

Центральная Африка, через несколько дней

Он смотрел в зеркало, держа в руках бритву, и думал: если тебя и прозвали Хомяком, это еще ничего не значит. Тушкан всем в их отделе придумал клички. Всем – то есть ему и Кролику. А Кролик сказал: а ты будешь Тушкан, потому что хочешь прыгать быстрее и выше других. Ну, Тушкан посмеялся и говорит: да ладно, пусть будет Тушкан...

Нет в нем ничего от хомяка. Лицо как лицо. Двадцатипятилетний менеджер во втором поколении без особых примет. А также без усов, бороды, татуировок, колец в носу и ушах, крашенных волос и подвыподвернутого причесона.

Он еще посмотрел на свое отражение, и начал бриться.

Потом увидел: серая стена раскрывается, словно конверт.

Конечно, он увидел это только в воображении. Стена перед ним как была, так и осталась – белая, кафельная, и ничего с ней не произошло.

Он вспомнил: это снилось ему минувшей ночью – и от этого воспоминания снова замер с бритвой в руке.

Серая стена.

Раскрывается, словно что-то таранит ее снаружи. И проникает внутрь...

И ничего больше.

Но он хорошо помнил, как замер от ужаса тогда, во сне, когда прямо перед ним раскрывалась серая стена. Он не успел увидеть, что появилось из-за нее – сон кончился. Что ему снилось еще, он не помнит...

На фиг все это! Он опоздает, если будет тормозить из-за всякой фигни!

Он снова принялся за бритье.

На этот раз ему ничего не помешало. Он сполоснул бритву, поставил ее в стаканчик на полочке в ванной, поспешно почистил зубы, поспешно причесался...

В просторном двухкомнатном номере нужные вещи не всегда находились легко. К счастью, вчера он принес из прачечной полный пакет одежды. И с чистой рубашкой проблем не возникло. Брюки он всегда вешает на один и тот же стул. Галстук – красно-синяя змея – хорошо виден на светлой ткани дивана в гостиной. Ботинки можно не чистить неделями – на территории бизнес-центра везде очень чисто. А покидать территорию незачем.

Через десять минут после того, как зрелище серой стены затормозило его бритье, он уже входил в лифт.

Лифт доставил его в обширное фойе на первом этаже.

Растения в огромных кадках, кресла, колонны. Где-то среди растений слышен фонтан. За колоннами и растениями – ярко-синяя надпись: кафе.

Он пошел туда.

Помещение под синей надписью выходило открытой террасой в густой березняк. Под березами лежал свежий снег, и крупные медленные снежинки то и дело проплывали откуда-то сверху.

Когда он вошел, среди берез появилась надпись: «Добрый день! Рады приветствовать вас сегодня, 22 февраля. В Москве десять часов двадцать семь минут. Легкая облачность, легкий снег, минус пять градусов, ветер слабый. Возможно, скоро покажется солнце. Располагайтесь!»

Он поспешно взял на стойке поднос, поставил на него тарелки с завтраком и стакан с соком, и прошел к столику в дальнем углу.

Принялся за еду, посматривая на часы на стене.

Потом заметил, что со стороны березняка появился дополнительный свет. Так и есть – солнце в прорыве среди облаков. А это значит, что и в Москве сейчас такое же солнце выглянуло из-за таких же облаков... Березняк был голограммой. Солнце, снег, облака – тоже.

Впрочем, солнце есть и настоящее – снаружи. Только вот выходить под него обычно не хочется.

Выходить, однако, пора. Благо, десять сорок пять по Москве – это восемь сорок пять здесь, и местное солнце еще не вызывает искренних сожалений о пасмурном осеннем московском деньке.

Стеклянные двери разошлись и поскорее сомкнулись у него за спиной. Без четверти девять – это уже не утренняя прохлада. Впрочем, прохлады тут не бывает. Ни днем, ни ночью.

За стеклянными дверями начиналась веселенькая разноцветная плитка, что-то зеленеющее и цветущее, бассейн, автоматы мороженого и напитков возле него...

Солнце светило тускло, со свинцовым оттенком.

Дождь, что ли, будет?

Он поднял взгляд от веселенькой плитки к невнятным, сероватым от влажности небесам – и понял, что в то недолгое время, пока он его поднимал, в его поле зрения мелькнуло что-то из сна.

Сна про Серую Стену.

Он даже остановился.

Да вот же она!

Как он мог не вспомнить ее? Эту стену он видит минимум дважды в день! Серая бетонная стена вокруг российского бизнес-центра, высотой в два этажа, прикрытая всякой растительностью...

Зона безопасности «В»!

Зона опасности «В»?..

Он пробормотал банальное ругательство.

Похоже, именно эта стена в его сне и была разрушена. И что-то появилось из-за нее...

Пока он шел к офисному корпусу, мысль эта не давала ему покоя. Он то и дело видел, как стена раскрывается, словно конверт.

Но отчего ему это приснилось? Что он мог узнать, заметить, а потом забыть – а оно вспомнилось во сне? Вспомнить бы наяву!

Ничего он не вспомнил. Прозрачная кабина лифта подхватила его вместе с десятком других пассажиров, и плавно потащила наверх. Вот лифт поднялся выше уровня стены...

И тогда он увидел.

Нет, не монстра за стеной, готового протаранить ее и ворваться в мир веселенькой плитки и голограммного снега. Не было там никакого монстра. Был...

Был. Все-таки он там был.

Был город, который он видел постоянно, каждый рабочий день, с высоты своего офиса на девятом этаже. Видел уже второй год.

Город как город. Он не присматривался к нему. Ну, бедный и грязный. Но в целом – обычный город в обычной бедной стране.

А вот сейчас он увидел город иначе.

Сейчас он увидел монстра. Вернее – Лабиринт Монстра. В этих бесконечных улицах с невысокими домами, без башен и небоскребов, без ориентиров, можно заблудиться за десять минут. Как-то вскоре после приезда он пошел прогуляться по улицам возле российского бизнес-центра. Вернее, возле так называемого Форейн Сити – района, где стоят все иностранные бизнес-центры.

Ничего страшного с ним не случилось. Но он заблудился – именно за десять минут, как только исчезли здания Форейн Сити. Навигация работала плохо. То есть сама по себе она рабо-

тала хорошо. Но на местности то одно, то другое было совсем не так, как на карте в смартфоне. После ему сказали, что картам из смартфона здесь верить нельзя. Город быстро меняется. Ну, что значит – меняется? Денег в него особо не вкладывают. Просто все больше людей приходят сюда из деревень. И стоят все новые кварталы дешевых домов. Точнее – трущоб. А карты не обновлялись уже много лет. Обновлять их не выгодно – здесь мало пользователей навигацией.

С полчаса он блуждал по улицам среди невысоких домишек. Иногда похожих на настоящие. Чаще – из случайных досок и ржавеющего металла. Среди мусора на разбитом асфальте. Среди неодобрительно посматривающих на него людей...

С тех пор он не покидал территорию бизнес-центра пешком. Только на машине, по дороге в аэропорт. Глупо вышло. Не стоило так рисковать. Почему никто не предупредил его сразу! Он что, обязан знать все здешние опасности? Конечно, он прошел тренинг перед приездом сюда. Про зону «В» и все такое. Но на тренингах много чего говорят. Все не запомнишь. Надо было конкретно сказать: вот это нельзя. Вот именно это...

Лифт остановился, потом снова стал подниматься.

Вот он, перед ним – Лабиринт Монстра!

Отсюда, из отдаления, с высоты, он кажется спокойным. Даже необитаемым. Но чувствуешь: из него может вторгнуться что-то такое, чего ты не знаешь. С чем никогда не сталкивался, потому что в нормальной жизни не бывает такого. О чем не хочется даже думать. Но если все же задуматься, понимаешь: то, что считаешь нормальной жизнью ты, для большинства людей на Земле – несбыточная мечта. Потому что они живут в Лабиринте Монстра. Где ничего никому не гарантировано. Где есть опасность. И откуда – хотя об этом особенно не хочется думать – эта опасность может вторгнуться в твой привычный мир. И тогда...

Он отвернулся.

Он отвернулся, и увидел девушку.

Он никогда раньше не видел ее. И сейчас не заметил сначала – как вошел, так и смотрел сперва на стену, а потом на Лабиринт Монстра за ней. А девушка, наверное, вошла следом за ним, и была у него за спиной.

Он увидел ее, и тут произошло нечто неожиданное.

Внезапно она подняла на него взгляд, и их глаза встретились.

Несколько секунд она молча смотрела на него.

Он замер.

Странный взгляд. Изучающий. Обычно если девушка не знакома, она смотрит мимо тебя. Даже если стоишь к ней лицом. А если знакома, улыбается и говорит «Привет».

Посмотрела, изучила и отвела взгляд.

Симпатичная. Ну... не красавица, конечно. Не такая, как секретарши в приемных директоров. Но все равно хочется смотреть на нее. И хочется, чтобы она посмотрела в ответ на тебя.

Лифт остановился.

Его этаж? Ну да...

Девушка отвернулась, и вышла.

Он вышел следом.

Она повернула направо. В их сторону по коридору.

Значит, куда-то рядом с ними. Может, новая сотрудница? Он бы запомнил ее, будь она не новая. Он знал всех девушек на их этаже. Ну, что значит знал? Знал, как они выглядят. Потому что много раз встречал возле лифта. В начале рабочего дня, в конце, в перерывах на обед...

Она смотрела, как раскрывается по мере подъема лифта пространство города перед ней. Нет, ей здесь не нравится!

С самого начала. С того момента, когда она увидела в иллюминатор, что посреди джунглей появилось грязновато-сероватое пятно. Как будто на джунгли вылили кислоту, и она разъела в них это сероватое нечто. Очаг поражения... Сами джунгли были хороши: темно-зеленый ковер от горизонта до горизонта. Она помнила по урокам биологии, что тропический лес – одна из самых богатых экосистем на Земле. Но вот здесь на нее плеснули кислотой, и она исчезла.

После московской зимы и сухой самолетной прохлады жара и влажность оглушали. С сероватого от этой влажности неба лился поток горячего тускловатого света; в нем казался оттенок свинца. Международный аэропорт удивлял чистотой, улыбались таксисты, стояли тропические деревья, светило солнце – но не было радости в солнечном свете.

Такси ей не нужно. Нужен вон тот белый «Лендкрузер». Машина из ее фирмы.

Она подошла. Водитель оказался русский; после она узнала, что российские фирмы не нанимают местных водителей. Забралась в холодную тонированную полутьму салона, на заднее сиденье. Почему на заднее? Требования безопасности. И нужно пристегнуться. Зачем? Сейчас она увидит – зачем.

И она увидела. Водитель гнал. И по шоссе, и по городу. И по широким главным улицам, забитым малолитражной азиатской техникой, старыми автобусами и миллионом мопедов. И по мелким, где на тротуарах сидели люди, а из-под колес в панике шарахались куры. Требования безопасности! Чем быстрее едешь, тем труднее попасть в машину – и из оружия, и брошенным кирпичом.

Зона «В»!

Но все же, не смотря на скорость полета и тонировку, она успела рассмотреть многое. И чем больше она видела, тем меньше ей нравилось тут.

Конечно, она представляла, как выглядит типичный африканский миллионник времен нестабильности. В школе была география. В универе, на военной подготовке – Теория современной войны.

Современная война не идет севернее тридцатой параллели. Она предпочитает теплый климат. Города, которые нравятся ей, похожи друг на друга. Они застроены домами в один-два-три этажа, с плоскими крышами и без претензий на архитектуру. Местами их строят из камня, местами – из случайных досок и железных листов.

Дома красят в светлые цвета. Но города от этого не кажутся чище. Потому что красят их редко, и краска начинает отваливаться. А еще на нее целыми днями ложится пыль. На Ближнем востоке и в Северной Африке она так и остается пылью. В экваториальной Африке, где часто идут дожди, пыль превращается в грязь. На белом фоне хорошо видно, как эта грязь стекает по стенам на тротуары. Даже если этот фон не такой уж и белый.

Некрашенный бетон выглядит чище. Потому что пыль и грязь не так заметны на нем. Потому что он сам похож на прессованную пыль...

Битый асфальт, мусор на тротуарах, и характерный кислотавый запах помойки. То, что он характерный, она поняла только тогда, когда машина въехала в город. Ни в одном из посещенных ею ранее городов мусорные баки не пахли кислятиной.

Еще кое-что она слышала о здешних местах на тренинге в МЧС. И еще кое-что прочла в самолете, по дороге сюда – заранее скачала подборку статей и видео, которые выдал по ее запросам поисковик.

Так что она знала, что увидит из окна пролетающей через город машины. Но знать и увидеть оказалось слишком разными вещами. Знание выглядело привлекательнее.

Лабиринт, думала она, глядя на уходящее вниз, раздающееся вширь по мере подъема лифта пространство города. Лабиринт Минотавра. Самого Минотавра не видно. Он прячется. Ждет свою жертву...

Правда, он сам – жертва. Жертва, потому что заперт в своем Лабиринте, в котором остается все меньше еды. Он агрессивен. Но сейчас уже невозможно сказать – по своей ли при-

роде, или потому, что иначе ему не прожить. Он уничтожил джунгли, чтобы выращивать еду, но этой еды ему было мало. Он снова уничтожил джунгли, чтобы извлечь из земли ископаемые, но и их ему не хватило. Он еще раз уничтожил джунгли, и создал гигантскую свалку неподалеку от своего Лабиринта, на которую со всего мира свозят компьютеры и прочую электронику. Тысячи людей живут тем, что выдирают из этой электроники все, что можно хоть как-то продать. Но людей в Лабиринте Минотавра не тысячи. Их миллионы. Их все больше и больше, и им снова, снова и снова не хватает всего, что нужно для жизни. И вполне вероятно, что скоро Минотавр начнет уничтожать сам себя, пожирая сначала свой хвост, а потом – остальное.

Молодой человек, что стоял перед ней и тоже смотрел на город, обернулся.

Обернулся, и они встретились взглядами.

Лет двадцать пять, но уже заметен животик. Довольно правильное лицо, даже привлекательное в чем-то. Но – ощущение слабости. Открытый, располагающий взгляд. Но – никаких следов мысли в этом взгляде. И никаких следов привычки хотеть. Невозможно представить, что обладатель такого лица и такого взгляда скажет: нет, я не согласен, я хочу другого, и я буду этого добиваться. Этот человек не имеет сильных желаний. Он не напрягает волю в борьбе с препятствиями. Он просто есть – симпатичное, приятное, прекрасно отформатированное под свои задачи и свою среду существо.

Наверное, он может нравится существам, имеющим другой гендер.

Но ей он не нравится.

Независимо от гендера – или, как говорят все чаще, «текущего гендера», он – не существо мужского пола. Не мачо. Мачо приходит в мир, чтобы познавать и переделывать его по образу и подобию своих желаний. А здесь – ни желаний, ни любопытства. В его пойманном ею взгляде любая нормальная самка легко прочитает: ты меня заинтересовала. Но даже тень намерений не прошла по его почти правильному, почти привлекательному лицу. Заинтересовала – и все. И ничего из этого не следует. Мало ли, что его заинтересовало? Самка не проявляет инициативы – и он не проявит. В его мире нет слова «добиться». Он хочет то, что ему предлагают. Он берет то, что дают.

Он отвел взгляд. Он так и не улыбнулся ей. След намерения так и не явился в его лице. Он ничего не планировал делать.

Хватит с нее таких.

Вот уж с кем она точно не будет знакомится близко – так это с ним...

«Уютненько, – думала она, идя по коридору, посматривая по сторонам, – и цвета такие приятные. Спокойные. Домашние. Наверное, постарались психологи. Вроде, сейчас все здания строят с участием психологов. Здесь зона „В“. Людей надо разгружать от этого, помогать чувствовать себя дома...»

Но тут же вспомнила: «В новом для вас здании запоминайте дорогу к лифтам и выходу, места расположения аварийных выходов, места установки систем связи с охраной». Это из инструкции, которую ей дали на тренинге в МЧС.

«Замечай и запоминай места выходов из здания, отмечай возможные траектории движения вдали от окон, не задерживайся возле окон, не выходи без предварительного осмотра за повороты коридора. Не занимай позиции возле оконных стекол и зеркал...» А это из другой инструкции, с занятий по военной подготовке в универе.

Она дошла до дверей с табличками «Отдел маркетинга».

За одной – кабинет начальника; так написано под названием отдела мелкими буквами. Начальник сейчас в отпуске. Собеседование с новой сотрудницей он проводил в интернете.

За второй – сам отдел.

Ей туда.

Она открыла вторую дверь.

В небольшой веселенькой комнате со светло-салатными стенами и светло-голубой мебелью – три стола с мониторами и некоторое количество прочей офисной обстановки.

Два стола пустовало.

За третьим, лицом к двери, сидел чувак лет под тридцать – и поднял глаза от экрана, заметив, что кто-то вошел.

Через долю секунды на лице его явилась улыбка, и он сказал:

– А вот и кролик. Добрый день!

Менее всего она ожидала такого.

– Я новый менеджер, – сказала она, – это ведь Отдел маркетинга?

– Отдел маркетинга. Поэтому я и говорю – кролик. Или, если угодно – кролик-два.

Несколько секунд она смотрела на него в полном недоумении.

Потом ее толкнула под задницу открываемая дверь.

– Ох, извините! Я...

Она обернулась – в не полностью открытую дверь просунулся чувак, с которым она только что ехала в лифте.

Придурок... он не видел, что она только вошла?

– Ничего страшного, – она посторонилась.

Чувак осторожно проник в комнату и остановился у двери, точно не зная, что ему делать.

Но хуже самого этого нелепого эпизода было то, что чувак за столом усмехнулся. В полсекунды, едва заметно. Но она успела увидеть. Конечно, он сделал это непроизвольно. Но все равно эта усмешка раздосадовала ее.

Потому что он понравился ей. Сразу понравился. Чертами лица – такие лица видишь не часто, их обладатели кажутся значимыми, непростыми, знающими и умными людьми. Осанкой, с которой он сидел за своим столом – свободно откинувшись на спинку кресла, и эта свобода ни на миллиметр не изменилась, когда вошла незнакомая и вполне достойная симпатии девушка. Голосом, которым он сказал эту свою необъяснимую фразу про кролика – голосом человека, привыкшего, что сказанное им – правильно. Тем, что его галстук валялся на столе, а на рубашке расстегнута не одна, а две пуговицы...

Чувак за столом перевел взгляд на ввалившегося чувака, потом обратно на нее, и указал на чувака иронично-изящным жестом:

– А вот и господин Хомяк, – и развел руками, по-прежнему глядя на нее, – теперь статус-кво восстановлен. И мы готовы к новым свершениям!

– Восстановлен? Что именно?

Чувак за столом улыбнулся – и ей понравилась эта улыбка. Насмешливо-ласковая. Как будто... как будто, блин, она его телка! И как будто он намного старше ее. Да, именно так! Она – его телка, и совсем маленькая девочка по сравнению с ним...

– Штатное расписание. Согласно ему, наш отдел должен быть укомплектован Тушканом, Кроликом и Хомяком. Именно при таком составе можно оптимально распределить между сотрудниками стоящие перед отделом задачи.

Соберись давай. Раз он тебе понравился – делай, как учили. И самое первое – покажи, что твое душевное равновесие нерушимо, и не зависит ни от каких неожиданностей.

Она улыбнулась – с чуть заметным оттенком снисхождения:

– Тушкан, стало быть – вы?

Чувак за столом кивнул – тонкой улыбкой изобразив самоиронию. В этой улыбке казалось: я настолько хорош, что с удовольствием посмеюсь над собой.

– От слова «тушка»?

Она не хотела этого говорить. Она хотела сказать что-то такое, чтобы между ними сразу установились хорошие отношения. Хотела показать, что он понравился ей.

Но какая-то ее часть заявила протест.

Она сказала: не показывай этого. Сыграй легкий ироничный интерес к новому человеку – и только. Почти безразличие. Но сыграй так, чтобы никто не мог знать уверенно: это игра. Потому что обман – признак слабости. А сильные чуваки не любят слабых телок. Они хотят, чтобы телка была слабее их – но не слабой. Сыграй очень, очень легко.

И помни, что говорила об этом маман. На тысячу чуваков, которых приятно подчинить, приходится один, которому приятно сдаться. И это намного приятнее, чем подчинять. Не упusti эту возможность. И не обманывай, потому что такие чуваки презирают и посылают обманщиц. Сыграй так, чтобы игра была не обманом, а только демонстрацией того, что ты можешь играть. Покажи, что у тебя отличные карты – а потом просто брось их. В этом – самый большой понт, потому что на щедрые подарки в наше эмоционально нищее время не способен почти никто.

Тушкан засмеялся:

– Вполне вероятно! Но при этом – очень проворная и высоко прыгающая тушка!

– Я не согласна быть кроликом, – сказала она, – у меня есть имя.

Тушкан отрицательно покачал головой – и ни тени улыбки не явилось при этом на его лице:

– Нет, сударыня. Входя в сердце тьмы, люди оставляют имена в прошлой жизни.

И снова ему удалось сбить ее с толку. И заодно сломало ее праведное возмущение от нежелания называться... может, в этом все-таки есть некий смысл?

– В сердце тьмы?

– Тушкан, – сказал Хомяк, – не морочь людям голову. Не все читают те же книжки, что ты. И старые фильмы не все смотрят.

– Какие? – спросила она.

Тушкан тонко улыбнулся, и посмотрел на Хомяка.

Типа, цитировать и толковать тушканскую мудрость обязана свита?

Хомяк сказал:

– Да я их сам не читал. А кино смотрел, – он кивнул в сторону Тушкана, – Тушкан дал. Ну, типа чувак приезжает на войну во Вьетнам, а там полковник американского спецназа сходит с ума. Ну, и все мочат друг друга.

Тушкан засмеялся – весело и искренне, как смеются люди, никогда не делающие это со злом:

– Хомяк, за такую аннотацию Фрэнсис Коппола должен тебе стакан!

Хомяк посмотрел на Тушкана – она уловила в его взгляде непонимание – а потом перевел взгляд на нее:

– А книжка – это то, по чему сняли фильм. Старая. Только книжка не про Вьетнам, а про Африку.

Она посмотрела на Тушкана:

– Про Африку?

Тушкан кивнул – снова уже без улыбки:

– Да. Про те самые места, где мы имеем удовольствие находиться сейчас.

Где сердце тьмы, что ли? Забавно...

– И что там? В книжке?

Секунду он молча смотрел ей в глаза.

– Да в сущности, то же самое. То же самое, что и в фильме. Сначала кажется, что все относительно в норме. Относительно – но все-таки в норме. А потом понимаешь, что все сошли с ума... Но это очень старая история. Не думайте о ней.

Какое странное ощущение от этого его взгляда! Как будто у них – у нее и у этого Тушкана – общие эмоции. Как будто у них есть что-то единое, не разделяемое не «его» и «ее». Именно этого ощущения ждешь от секса...

Давно не ждешь, на самом деле...

И вдруг оно появляется – в офисе, просто от разговора, с человеком, которого она пять минут как знает.

Что-то было об этом в маминых сказках, которые та рассказывала подрастающей дочке на ночь...

«Не ври себе, красотка. Ты знаешь, когда телка впервые трахается с чуваком? В тот момент, когда впервые видит его. Или уже никогда. Но далеко не всегда в этом себе признается... Не ври себе, ври другим. Делай вид, что у тебя с ним ничего не было. А чтобы делать этот вид правдоподобно, можешь – в порядке исключения – наврать и себе. Про то, что ничего не было. Тогда ты сыграешь эту заведомо лживую роль так, что Станиславский не скажет „не верю“. А зритель, для кого ты играешь, будет думать – о, блин, да ее еще надо добиться!...»

Хочется сбросить туфли...

Ладно – пора начинать выступление. Зритель ждет!

Она прошла к бесхозному столу, и хозяйским жестом откатила задвинутое под него кресло.

Небрежно положила на стол сумочку, плюхнулась в кресло и нажала кнопки на системнике и мониторе:

– Так почему я не могу называться своим именем?

Она сказала это, глядя на экран – пусть Тушкан не думает, что достоин ее постоянного внимания.

– Потому, что вы в зоне «В».

Она непроизвольно подняла на него глаза.

– Я знаю. Я прошла обучение и сдала тесты. Но при чем тут имена?

Тушкан улыбнулся – и это снова была доброжелательная улыбка, без прикола, без тени насмешки:

– Не при чем. Но видите ли... Зона «В» действует на мозги. Не всем. Я знаю людей, которые живут тут годами, и не проявляют никаких признаков беспокойства. Но мне известно и другое. Например, как часто люди здесь обращаются к психоаналитикам. А некоторых по рекомендации этих психоаналитиков досрочно отправили обратно в Россию... Здесь легко жить, если вы совершенно нелюбопытны. Если нет... – он пожал плечами, – Кролик-один так не мог. И я придумал игру: превращать реальные проблемы в нелепости. И принимать против них нелепые меры. Такая игра помогает оставаться в контакте с реальностью, но в то же время смеяться над ней. А смех прогоняет беспокойство... Именно в рамках этой игры мы решили, что откажемся от имен. И тогда духи – в которых верят многие местные – не смогут найти нас, и повредить нам.

Она отметила про себя, с каким вниманием выслушала эту речь. Тушкана хотелось слушать. Хотелось, потому что он умел говорить. А это умение она встречала нечасто.

– Сколько я поняла на тренинге в МЧС, здесь приняты меры, достаточные для зоны «В». И реально бояться нечего...

Крайняя фраза вышла полувопросом.

Тушкан чуть качнул головой; лицо его изобразило сомнение:

– Не возражаете, если я скажу то, над чем придется подумать?

Ни тени улыбки.

– Не возражаю.

– Тогда смотрите... Большинство людей воспринимают окружающее просто как факт. У которого нет ни причины, ни следствия, ни развития. Скорее всего, такое восприятие –

защитная реакция. Без нее им придется сильно перегружать себя аналитикой, и пустить в свою жизнь много такого, что лучше не замечать. Реальность – не для всех легкой груз... Люди обычно признают те проблемы, с которыми им просто бороться. А остальные объявляют маловероятными. Причем объявляют на подсознательном уровне, чтобы не оценивать их реальную вероятность. Такой подход к реальности преобладает. Да, есть вещи, которые продумываются очень реалистично. Но охрана бизнес-центров к таким вещам не относится. Здешняя служба безопасности не задается целью предвидеть все варианты, и защитится от них. В мире, в котором мы живем, просто не хватает средств, чтобы защитить всех от всего. Это невозможно. Но у каждого есть выбор: взвалить на себя груз реальности, или нет. Первое надежнее. Второе проще. Это не выбор службы безопасности. Это ваш выбор.

Он замолчал.

Блеск!!

Да, блин – ей нравится этот Тушкан!

И еще – хочется задать один вопрос:

– Что здесь может произойти?

– Вы хорошо учили историю в школе?

– Я ее хорошо сдавала. И хорошо забывала... Вы хотите сказать, что знание истории может помочь оценивать реальность реально?

Тушкан кивнул:

– Да. Но работать с историей трудно. Потому что история – это товар, который производится для многих сегментов рынка. Он не может существовать в одной комплектации... Но если отбросить ассортиментные подробности, история показывает: с людьми всегда происходит одно и то же. Несколько постоянно повторяющихся сценариев. И не так уж и сложно помнить их все, и быть готовыми ко всему... – он неожиданно улыбнулся, – только не бойтесь заранее. Если хотите, я сброшу вам подборку статей... всякие аналитики пишут о том, что тут происходит, и что может из этого выйти.

– А сами вы не можете рассказать?

Тушкан усмехнулся:

– Могу. Но тогда это будет рассказ менеджера Отдела маркетинга об экономике, политике и войне. Вы очень всерьез воспримете его рассказ?... – он снова усмехнулся, – а главное – никакой рассказ не поможет тому, кто не может прочесть десяток статей.

Он замолчал.

Она тоже молчала – признаться, все это несколько выбило ее из колеи.

– Вы не очень-то беспокойтесь, – сказал Хомяк, – Тушкан, конечно, может прочесть и десять статей, и двадцать. Этого у него не отнимешь. Но он все перегибает. Все у него слишком серьезно. А с другой стороны, все – повод для шуток. Не поймешь его.

Тушкан сказал:

– Давайте решим вопрос с вашим именем. Оно в любом случае не выйдет за рамки внутритделовского применения. Но это традиция. Мне не хочется ее нарушать... Так как вы?

Она сказала:

– Кролик – это что-то мужское. А я не хочу... как бы это сказать...

Тушкан рассмеялся, глядя на нее:

– ... носить имя, не соответствующее вашим достоинствам?

Ей показалось, что она краснеет:

– Да. А крольчихой я быть не согласна. Это уж точно не соответствует моим достоинствам.

– Давайте, вы будете Рэбитом. Слово «рэбит», оказавшись в русском языке, не имеет никакой сексуальной окраски.

Что-то было в его лице, в его взгляде, в его голосе, что ей хотелось с ним согласиться. Она ведь согласилась не сразу, так? Это правило выполнено...

– Ладно, – сказала она, придав голосу должный оттенок снисхождения, – раз уж это традиция... – она посмотрела на него, и встретилась с ним взглядом, – пусть я буду Рэбит.

Еще несколько секунд их взгляды качали что-то в обе стороны.

Потом Тушкан улыбнулся:

– Привет, Рэбит! Добро пожаловать в то, чего у тебя еще не было!

Она посмотрела на него с некоторым удивлением, собираясь задать очевидный вопрос – но он только улыбнулся, и приложил палец к губам.

Хомяк покинул офис сам не свой.

Ощущение, которое так можно назвать – за неимением лучшего; по крайней мере, сам он не мог придумать никакого названия – усиливалось в нем целый день.

Сидя за рабочим столом, Хомяк предпочитал видеть стену. Вскоре после своего появления в отделе Тушкан предложил переставить мебель, и Хомяк выбрал именно такое расположение своего места. Ни в дверь, ни в окно он смотреть не хотел. Он бы и раньше переставил свой стол, но никто не сказал ему, что это можно сделать.

Почему не хотел?

Окно – панорамное, во всю ширину стены – создавало не слишком приятное ощущение, о котором Хомяк даже рассказал психоаналитику. Вдвоем они выяснили, что это ощущение – беспокойство при виде открытого пространства. Открытое пространство – объяснил ему аналитик – может означать непредсказуемость и неопределенность. Хомяк согласился с тем, что определенность и предсказуемость лучше. Психоаналитик сказал, что именно их и предпочитает нормальный человек. Хомяк остался доволен. Он пришел к психоаналитику с пониженной самооценкой, полагая, что с ним что-то не то. А ушел с повышенной, убедившись, что он не хуже нормальных людей.

Но кроме психологических тонкостей, и дверь, и окно просто отвлекали его от работы.

А работа у Хомяка была сложная. И делал он ее не без усилий.

Маркетинг Хомяк проходил в универе. Именно проходил. То есть прошел и ушел. И забыл. До прихода Тушкана Хомяк еще мог немного понять, чем занимается приютивший его отдел. Потому что – прямо сказать – до Тушкана отдел вообще мало чем занимался.

С появлением Тушкана работы стало много. И она стала такой, что Хомяк предпочел ограничиться пониманием только своих непосредственных обязанностей.

Тушкан занимал должность простого менеджера. Отделом, как полагается, руководил начальник – совершенно официальный, сидящий в своем кабинете за стенкой. Но начальник получил свое место по блату. И в маркетинге он понимал слабо. Скромность собственных знаний не помешала Хомяку оценить босса – незнающего начальника подчиненный почувствует всегда.

Еще Хомяк чувствовал, что начальнику отдела шатко сидеть на своем месте. Позиция руководства по отношению к боссу маркетинга была такой: вы скажите, что вам скомандовать – и мы скомандуем. Но босс маркетинга не знал, что ему надо скомандовать.

Вероятно, именно этим и объяснялось и появление в отделе Тушкана, и его лихая перестановка столов. Потому что, согласитесь, простые новые менеджеры начинают не с революций – хоть бы и мебельных.

В словах и делах Тушкана Хомяк разбираться не стал. Но мебельную революцию он понял верно и сразу: Тушкан пришел рулить. Вернее, его пришел начальник отдела. Для того, чтобы новый менеджер подсказывал начальнику отдела, что тот должен подсказывать дирекции, что та должна скомандовать начальнику отдела. Начальник мог не бояться того, что под-

сказчик его подсадит – по повсеместной традиции, в свои двадцать семь лет Тушкану было дальше до первой руководящей должности, чем до Луны.

И так оно все и вышло.

Два чувства к Тушкану боролись в душе Хомяка.

С одной стороны, Хомяк сразу уважал неформального босса, потому что тот – в отличие от формального – много знал и многое делал.

Более того: Хомяк сразу почувствовал главный повод к тушканоуважению: тот был из породы начальников. При том – начальников самого высшего ранга. Бывают ведь начальники вроде сержантов на сборах. Построить, проверить, как ботинки почистили... Конечно, их надо уважать. Но ведь чистить ботинки придумали не они. Они сами выполняют команды своих начальников. Те, в свою очередь, выполняют команды начальников повыше... и так далее. Но команды должны откуда-то браться. Кто-то должен решить, что ботинки вообще нужно чистить. Не говоря уж о том, что бывают решения и посложней.

Так вот: Тушкан был из тех, кто придумывает решения. Он мог быть менеджером, мог быть директором, мог быть никем. Сущность его от того не менялась. Не место в формальной иерархии давало ему право решать, а его способность это делать.

Вскоре Хомяк совершил удивительное открытие: большую часть времени Тушкан думает не о том, как поменьше работать и побольше урвать, а о том, чтобы работа делалась хорошо. Конечно, было в нем и другое: явное нежелание проносить ложку мимо рта. Но каким-то непостижимым образом Тушкан обделывал свои дела, думая о общих делах.

Именно по этой непостижимой способности Хомяк и решил, что Тушкан – даже больше, чем начальник самого высшего ранга. Он – Избранный. Он не назначен человеком, а дан свыше. И почтение к нему должно быть абсолютным, а не формальным, по человеку установленной иерархии. Оно должно быть не просто почтением, а настоящей симпатией.

Но с другой стороны, Хомяк боялся Тушкана. Боялся его революции. Хомяк освоил свою работу не сразу и не легко. И что – теперь он должен учиться чему-то еще?

Но все обошлось. Причем так, что Хомяк еще больше поверил в избранность своего Настоящего Босса.

Работа Хомяка состояла в том, что он оформлял производимую отделом документацию в соответствие с Регламентом оформления таковой. В каждом отделе был свой Регламент оформления исходящей документации.

Работу свою Хомяк не любил и боялся.

Не любил потому, что Регламент содержал много неясностей.

А боялся – потому, что всегда становился крайним. Если исходящая документация оказывалась оформлена так, что Общий отдел, проверяющий соответствие оформления документов Регламенту, находил в ней несоответствие таковым, босс отдела валил все на него. Босс тоже не разбирался в Регламенте. Хомяк пытался спрашивать у него, как понимать то или иное стремное место в этом подвыподвернутом документе. Но босс сообразил, что отвечая, он берет ответственность на себя. И ответы давал такие, что потом всегда можно было сказать: ты меня неправильно понял. И вообще он явно раздражался, когда Хомяк приходил к нему с вопросами. Естественно – кому охота раз за разом выглядеть дураком, прячущимся за стрелочника?

Тушкан разрубил сей запутанный узел одним поистине гениальным ударом.

Он написал новый Регламент.

Как это ему удалось, Хомяк представить не мог. Все эти Регламенты создавались поколениями боссов. Они отражали усилия многих умов и постоянное течение конторских трендов. Может, потому они и были такие кривые? Но какими бы кривыми они ни были, они представляли собой часть Вечности. Человек мог их толковать – если хватало ума. Переписать их мог только Избранный Свыше.

Но ведь именно Избранным Свыше Тушкан и был...

Ношение нового Регламента по кабинетам обеспечило отдельского босса работой почти на месяц. И когда сей продукт тушканского гения согласовали во всех этих кабинетах и утвердили, оказалось, что оформлять отдельские документы ничуть не сложнее, чем отличить мужской туалет от женского. Из Регламента куда-то исчезли все неясности, неоднозначности и неопределенности. Он перестал вызывать вопросы.

Это было непостижимо, как конец Вечности...

И Тушкан вовсе не зазнался от этого подвига, нет! Со скромностью, достойной истинного величия, он по-прежнему таскал в кабинет босса любой клочок бумаги, на котором стояла хоть единая фраза – испросить согласия и одобрения. И на совещаниях отдела ничего не предлагал от себя, а как-то намекал отдаленно, глядя на босса, и тот озвучивал эти намеки в своем решении.

С этого момента Хомяк принял как несомненное, что Тушкан – Избранный. А если ему угодна скромность – что ж, это право великих. И не только можно, но и нужно высказывать ему не почтение, а дружеское почти-равенство. Не в делах, разумеется – в общении.

И только одно было плохо – с появлением Тушкана производимых отделом документов стало больше, и они стали длиннее. Иногда они занимали пять, или даже десять страниц. Работа с такими длинными текстами требовала серьезного напряжения. Даже ожидание работы над ними вызывало страх.

Хомяк пошел к психоаналитику. Тот посоветовал не просматривать документ полностью перед началом работы. «Всегда, – сказал он, – думайте, что документ занимает только один экран – тот, который вы сейчас видите. Это – часть универсального обращения с реальностью: она должна быть не больше размеров того шага, который вы хотите сейчас предпринять. Такой подход даст вам необходимую уверенность в окружающем. Ведь обработать один экран текста вы можете, вы хорошо это знаете. Используйте шрифт такого размера, который обеспечит на одном экране нестрессовый для вас объем информации. И никогда не думайте о другом тексте. Его просто нет.»

Совет оказался полезным. Но не идеальным – Хомяк так и не смог окончательно уничтожить в себе понимание того, что документ больше экрана. Реальность отступила, но умирать отказалась. Она по-прежнему напрягала.

И он по-прежнему сидел спиной ко всему, что способно отвлечь.

Но сегодня его отвлекала не дверь, и не окно с непредсказуемостью и неопределенностью.

Его отвлекала Рэбит.

И даже не тем, что иногда о чем-нибудь спрашивала. Просто своим присутствием.

С одной стороны, она заставляла Хомяка нервничать. Почему – он не знал. Но он очень досадовал, что пару раз ответил на ее вопросы не сразу и невпопад – и именно от внезапно явившегося волнения, когда она обратилась к нему. Он понял в какой-то момент, что ждет ее дальнейших обращений с беспокойством.

А с другой – он хотел, чтобы она к нему обращалась. И испытывал неприятное чувство, когда она говорила с Тушканом. А тот отвечал не только совершенно спокойно и по делу, но еще и с такими оттенками в голосе, которые не могли быть случайны. Тушкан явно хотел произвести на Рэбит впечатление. Хомяк тоже хотел его произвести. Увы – он понятия не имел, как это сделать.

За обедом – по традиции, менеджеры отдела обедали вместе – текла легкая спокойная болтовня. Серьезные темы не обсуждались. Говорили о том, о чем говорят давно не бывавшие дома с тем, кто только оттуда приехал. Что там да как. Кто где учился, где работал, где жил...

Во второй половине дня, как обычно, работа Хомяка плавно тормозилась, и часам к трем-четырем остановилась совсем. По привычке, в это время Хомяк надевал наушники, и открывал новостные сайты.

Новости в этот день не принесли ничего особенно нового.

Нестабильность основных бирж. Дебаты об очередном повышении налогов и пенсионного возраста в Европарламенте. Очередное выражение китайского недовольства американской импортной политикой. Пакистано-индийский конфликт. Вечный Афганистан. Война на Ближнем востоке... Курс рубля к основным валютам не изменился. Нефть как была сто восемьдесят баксов за баррель, так и осталась.

«Хорошо, – думал он, – что ничего нет про Африку. Что бы ни говорил Тушкан, здесь спокойно.»

В шесть-ноль-ноль он выключил компьютер, сказал «пока» Тушкану и Рэбит, и удалился.

Его напрягало смутное неприятие того, что он ушел, а Тушкан остался с Рэбит. Но традиция выбора не оставляла. Позже всех уходил Тушкан – первый претендент на карьерные блага. Умеренный и аккуратный Кролик покидал трудовой пост несколько раньше. Хомяк мог валить в шесть.

И не только мог, но и должен был. По крайней мере, по неписанным правилам, которые, сколько он знал, существовали всегда и везде. А именно: тот, кто не уходит в шесть ровно – претендент на повышение. И этим он объявляет конкурентную войну остальным не-уходящим-в-шесть. А каких-либо войн Хомяк избегал. Тем более, что ни на какое повышение не претендовал никогда.

Он пошел через парк к жилому зданию – поужинать в кафе и подумать, что делать вечером – как вдруг взгляд его остановился.

Возле подъезда медицинского корпуса, из микроавтобуса с красным крестом на борту выкатили носилки, на которых лежал длинный черный пластиковый мешок.

Глава 3

Кабинет психоаналитика.

Много мягкой мебели и много растений.

Типа, все для релакса.

Только в этот раз релакс не наступает. Чем больше говоришь, тем хуже становится.

Ладно – послушаем, что скажет в ответ психоаналитик.

– Правильно я понял, что в минувшие две недели у вас появилось три новые проблемы: вы потеряли интерес к традиционным развлечениям, вы страдаете от повышенной значимости некой девушки, и у вас появилась фобия вторжения?

– Правильно.

– Расскажите подробнее. С развлечений. Чем вы занимались раньше, и почему не хотите делать это сейчас.

Долго рассказывать. Ладно, попробуем. Психоаналитик просто так не спрашивает. И он реально помогает. Не так, чтобы совсем. Но все-таки.

– Ну, вот компьютерные игры. Стратегии всегда были геморрой. Не играл. Ну, типа, пробовал когда-то в детстве, но так... не пошло. Бродилки получше. Если графика нормальная, и так далее. Но сейчас скучно очень. Пять минут – все, тоска. Стрелялки – это хит. Всегда любил. И чего? Стресс. Никогда не думал, что так может быть. Это же игрушки! А кажется, что на самом деле в тебя стреляют. Странно даже! И еще... да, вот что: очень неприятно, когда типа идешь, и думаешь – сейчас на тебя кто-то выскочит, и начнет стрелять. Даже вздрагиваешь иногда, когда это случается. Реально неприятно. А там пол-игры так: идешь и ждешь, чего будет. Напрягает очень. Ну, я перестал играть. Потому что напрягает сильно это ожидание. Выскакивают и начинают в тебя стрелять!

Стресс. Даже вспоминать не хочется.

– А что еще? Фильмы какие-нибудь смотрели?

– Смотрел.

– Что?

– Ну... «Боевые роботы – двенадцать». Я его всегда смотрю. То есть, типа, с детства. Все серии. Они раз в год выходят. Но сейчас что-то...

Как это объяснить?

– Что?

А, понял.

– Ну, это как в стрелялках. Помните, я сказал про стрелялки? Что очень напрягает, когда ждешь... ну, когда кто-то неожиданно появляется и стреляет в тебя?

– Да, помню. В фильмах тоже такое же неприятное ощущение?

– Да.

Он даже глаза закрывал, когда думал, что так сейчас будет. Это можно не говорить.

– А еще?

– Еще? В смысле?

– Какие еще фильмы?

– Ну, еще посмотрел «Чокнутую общагу – три».

– Это ведь комедия?

– Да.

– Смешно?

Смешно? Да... но...

– Первые две серии были очень смешные. То есть, мне казалось что они смешные. А третья... ну, вроде, тоже смешная, но...

Смешная, конечно. Чуваки – полные идиоты. То наденут чужие ботинки. То упадут в лужу. То запрутся в туалете для телок. А потом не могут выйти, потому что телки пришли. Зато они слушают базар этих телок. И такое узнают...

– Вам сложно сформулировать свои чувства?

– Нет, не сложно. Просто не понимаю... ну, почему было смешно, а сейчас – нет. Приколы похожие. Всегда было смешно. А сейчас... как-то не очень.

– А еще что-нибудь смотрели?

Чего там еще было? А, точно...

– «Счастливым гульфик – пять». Эти гульфики я тоже все смотрел. Прикольно было.

Это совсем уже сложно объяснить...

– Судя по вашей реакции, пятая серия показалась вам не очень прикольной.

– Да, не очень. Скучно. Надоело. Все одно и то же. Все все время ржут. И хотят трахаться. Типа, просто трахаться, и все. По-моему, им всем друг на друга плевать. Лишь бы присунуть. Надоело это. Пять серий одно и то же.

– А раньше этот фильм вам нравился?

– Конечно. Это же про секс. Это всем нравится.

– То есть, вам перестала нравится тема секса?

Что за дурацкий вопрос! Как может перестать нравится тема секса? Он чего – не нормальный? Просто...

Ни хрена это не просто. Конечно, ему хочется посмотреть про секс. Но не так. Ему хочется... Вот с Рэбит, например, ему хочется совсем других отношений...

Голова начинает болеть.

Когда психоаналитик вот так спрашивает, у него начинает болеть голова. Это очень трудно – отвечать на такие вопросы. Надо сказать, что голова заболела. Тогда он перестанет спрашивать... ну, на эту тему. Начнет что-то другое.

– У меня голова начинает болеть.

Психоаналитик кивнул:

– Давайте тогда завершим с этой темной... Поговорим о фобии вторжения. Я правильно понял, что в последнее время у вас появились какие-то неприятные мысли и ощущения, связанные с агрессивной внешней средой?

Еще бы!

– Да... появились...

Несколько секунд он думал, стоит ли ему рассказывать про некоторые подробности, а потом заговорил – быстро, с каждой секундой погружаясь в сообщаемое:

– Стена... ну, которая вокруг бизнес-центра. Я видел, как она раскрывается. Вот так, – он сделал жест руками, – внутрь. Как будто что-то вламывается снаружи. Во сне. Я во сне это видел, на самом деле этого не было. Я видел монстра в городе. Я не хожу в город, это опасно. Но я ехал на лифте и видел монстра. Мне показалось, что я его видел. Ну, не то, что это какой-то глюк. Но я подумал: этот город как-то не так выглядит. Как будто там кто-то есть. Это я для себя так сказал – монстр. Там реально не было монстров. Это было в тот день, когда мне приснилось, как стена раскрывается. Мне кажется, за стеной что-то есть. В городе что-то есть. Привезли труп из города. Когда я видел как стена раскрывается. Вечером. То есть, вечером привезли труп, а до этого ночью я видел сон, как раскрывается стена. И еще в этот день я мне показалось, что в городе что-то не так. Когда поднимался на лифте. Когда там ехала... ну, наша новая сотрудница. Она вышла в первый день на работу...

Он замолчал.

Психоаналитик молча кивнул:

– Я вас понял... Какое значение вы придаете этим вещам?

«Какое значение вы придаете...» Зачем психоаналитики так говорят? Делают непонятные фразы из простых русских слов!

– Как это – какое значение?

– Ну, например: это странно, но не опасно; это меня беспокоит; это опасно. Выберите вариант.

– Странно, опасно и?..

– Странно, но не опасно. Это меня беспокоит. Это опасно.

– Это меня очень беспокоит. Я боюсь, что это опасно.

Аналитик кивнул:

– Я вас понял... Во-первых, я хочу вас успокоить. Вам кажется, что с вами происходит что-то необычное, даже пугающее?

– Я... необычное... такого никогда не было. Я не то, чтобы пугаюсь. Я...

Он замолчал.

Аналитик изобразил улыбку:

– А на самом деле все это обычно. Самое главное: вы должны понять, что с вами происходит то же самое, что и с другими. Вы можете с этим согласиться?

– Что я такой же, как другие?

– Что то, что с вами сейчас происходит, бывает с другими?

– Ну... наверное. А что – это действительно со всеми бывает?

Аналитик кивнул:

– С очень и очень многими. И все они – нормальные люди... Давайте разберем все три составляющие вашего состояния по очереди. Вы согласны?

– Согласен.

– Итак... Потеря интереса к традиционным развлечениям – это следствие. Причин две. Это повышенная значимость другого человека, и фобия вторжения. Эти причины создают беспокойство. Беспокойство мешает получать удовольствие из традиционных источников... Скажите: вы считаете, что эта ваша новая сотрудница – в чем-то особенная?

– Ну... да.

– Чем именно?

Опять начинается! Вопросы, вопросы... хрен знает, как на них отвечать! От таких вопросов крыша поедет, даже если была в норме... Конечно, она особенная. А вот чем...

– Ну... я не знаю. Она не как все.

– Вы можете назвать какие-нибудь отличия ее от других?

Отличия от других? Какие? Рост, вес и размер груди? Этим все отличаются друг от друга.

– Она как-то по-особенному выглядит.

– Чем? Какими чертами?

Какой смысл спрашивать одно и то же?

– Или давайте так: у нее есть какие-то особенные черты внешности?

Особенные черты? Нет. Вот у секретаря директора по связям с общественностью – особенные черты. Она высокая блондинка и грудь еще та... не настоящая, наверное, потому что слишком большая. А у других какие особенные черты? У все какие-то есть, но не такие, как у Рэбит. Не особенные.

– Нет... То есть, не то что какие-то черты там особенные. Но я просто когда ее вижу, то чувствую...

Тяжело это – вот так напрягаться, отвечая на такие вопросы! Опять голова заболела. Надо об этом сказать.

– У меня голова заболела.

Психоаналитик покивал:

– Тогда закончим с этим... Собственно, я вас понял. У вас создалось ощущение, что эта ваша новая сотрудница обладает какими-то особыми качествами. Но как видите, никаких особенных качеств у нее нет. Даже вы сами не можете их назвать... Скажите – когда вы смотрите на нее, то ощущаете желание заняться сексом?

Сексом? С ней? Он как-то об этом не думал... Да, точно – не думал. Странно, конечно. Нет, точно не думал.

– Нет...

– А с другими девушками – когда вы на них смотрите?..

С другими – конечно! Он что, не нормальный чувак?

– С другими – да.

– Часто? С каким примерно процентом девушек, которых вы видите, вы занялись бы сексом?

– Ну... со всеми, наверное.

– Среди них были особенные?

Опять эти особенные! Особенности, особенные... что это значит? Все-таки тяжело бывать у психоаналитика. Помогает, но – тяжело.

– Нет. Ну они, конечно, не все одинаковые. Но в этом смысле... в смысле секса особенными... нет, таких не было.

Особенными в смысле секса! Вот сказал! Конечно, всем хочется типа сиськи побольше, ну и блондинку. Но это уже, типа, придирки. Секс он и есть секс. Главное, чтобы он был. А блондинки все равно почти все крашенные. А сиськи почти все сделанные. Разводит какие-то неважные тонкости...

Психоаналитик кивнул с видом удовлетворения от найденной истины:

– Вот видите... Видите сами, какая получается бессмыслица? С одними девушками вы хотите заняться сексом. Но вы не считаете этих девушек особенными. А с одной не хотите, но считаете. Согласитесь, это не может иметь какие-то реальные основания. Это бессмысленно. Вы согласны?

– С чем?

– Что не хотеть заниматься сексом с самой лучшей девушкой, а с другими хотеть – это бессмысленно?

Хомяк отрицательно покачал головой:

– Да нет. Я, наверное, не так выразился. Я не против заняться с ней сексом. Но не так, как... ну, как в клубах бывает... захотели и занялись. Просто так. А потом разошлись, и как будто ничего не было. Я...

Почему от психоаналитика у него разбалчивается голова?

Психоаналитик повторил его жест:

– Не ищите ответ. Ответа не существует. Вы сами только что видели, что стали жертвой иррациональной мотивации, не имеющей под собой никакой реальной причины. У этой мотивации есть объяснение. И оно совершенно обычное. Такое же, как у всех остальных людей...

Он сделал короткую паузу, потом продолжал:

– Дело в том, что человек унаследовал от своих биологических предков некоторые черты, которые были нужны в дикой природе. Эти черты идут от инстинктов. А общество развивалось медленно, и эти черты долгое время оставались вне критической оценки. И надо особо сказать, что пока люди подчинялись инстинктам, общество оставалось несовершенным, а люди – несчастными. Но современное общество совсем не такое. Оно построено на научной основе. Его цель – все для блага человека. И для этого блага надо было освободить человека от того животного наследия, которое диктовало ему иррациональное поведение, вроде того, что мы сейчас обсуждаем... Скажите – что вам нравится в современном обществе, в вашей жизни?

А вот на это он ответит легко! Правда, эту фразу придумал не он. Ее придумал Тушкан. Тушкан все придумывает... Он почему-то усмехнулся, когда придумал и сказал. Но сказал правильно. А усмехнулся... кто его знает, чему он усмехается? Его иногда не поймешь. А спрашивать про все подряд неудобно. А сказал хорошо. Сразу запомнилось.

– Прикольно, ненапряжно, секс!

Психоаналитик несколько секунд смотрел на него, а потом лицо его просияло:

– Хорошо сказано! Прикольно, ненапряжно, секс! Замечательно! А теперь скажите – ваша новая сотрудница вписывается в эту действительно очень привлекательную смысловую и целевую концепцию?

В какую еще концепцию? То есть – бывает ли с ней прикольно и ненапряжно?

– Нет. Но...

Психоаналитик кивнул; он выглядел очень довольным:

– Именно так – именно так! – и работают иррациональные черты в человеке! Скажите сами: ваша новая сотрудница может помочь вам реализовать этот идеал? Прикольно, ненапряжно, секс? Ведь нет?

– Нет...

– А может она гарантировать вам душевное спокойствие, которое у вас было, когда вы смотрели хорошие фильмы, играли в увлекательные игры... – психоаналитик хотел, кажется, сказать что-то еще, но замолчал с видом человека, забывшего, что именно.

– Нет.

– Может беспокойство быть лучше отличного настроения, уверенности в счастливом завтрашнем дне?

– Нет...

– Может ли вам быть нужна девушка, которая разрушает вашу счастливую жизнь?

– Нет...

Психоаналитик, с лучезарной улыбкой, откинулся на спинку кресла:

– Отлично. Вы дали правильный ответ, и начали возвращение в спокойную, счастливую жизнь... Теперь давайте займемся монстрами за стеной. Согласны?

– Согласен.

Психоаналитик убрал довольную улыбку.

– К сожалению, ваш монстр за стеной – тоже дело совершенно обычное. Я много раз слышал похожие вещи.

– Да?

– Да. Потому что... Вы часто смотрите новости?

– Я каждый день слушаю ленту.

– Вы помните, что там?

– Ну, войны... кризисы всякие...

– Вот именно. Войны и кризисы. В вашей жизни ни войн, ни кризисов нет. Но мозг подсознательно может воспринимать информацию, как реальность. Происходит так называемое информационное вторжение. Подсознательное ощущение опасности подает сигналы о себе. Вы могли получить такой сигнал в виде сна. В виде каких-то образов, которые ваше воображение подбрасывает вам как будто ни с того, ни с сего. Вроде ваших монстров за стеной. Такие эффекты особенно проявляются там, где опасная реальность находится близко. Даже если вы надежно защищены от нее.

Он замолчал.

Успокоил!

– И что мне делать? Меня теперь эти монстры всегда доставать будут?

– Это зависит от того, насколько вы впечатлительный человек. У некоторых все проходит, когда они осознают, что ощущение опасности – мнимое. Ведь на самом деле здесь безопасно.

Офисный центр хорошо охраняется. Но бывает, что человеку нужно уехать на время туда, где опасности нет вообще. В отпуск, в Россию. А иногда бывает и так, что нужно уехать совсем.

Уехать? В отпуск?

А Рэбит?

– Я не хочу ехать в отпуск сейчас.

Психоаналитик отрицательно качнул головой:

– Да нет, сейчас вам это не обязательно. Поскольку мы проработали первую проблему – с завышением значимости вашей новой сотрудницы – я надеюсь, что вы сможете вернуться к нормальной жизни... к играм, фильмам... – он снова замолчал на несколько секунд, словно внезапно забыл, что хотел сказать еще, – и это поможет вам не фиксироваться на опасностях, которых реально не существует... Давайте договоримся так: вы придете ко мне через пару недель. Тогда и посмотрим.

Широко улыбнулся и развел руками – жестом, показывающим, что предлагает завершить разговор.

Валим отсюда. Все-таки, тяжело это. Отвечать на вопросы и все такое.

Психоаналитик улыбнулся еще шире:

– Живите легко, свободно и счастливо! Помните: прикольно, ненапряжно, секс!

Да разве он против? Если бы не эти монстры... и если бы не Рэбит...

– Прикольно, ненапряжно, секс! Вы не возражаете, если я поделюсь этой фразой с другими моими посетителями?

Делись. Ему-то что?

– Не против.

Психоаналитик все улыбался:

– Прикольно, ненапряжно, секс! Конец истории будет выглядеть именно так!..

Глава 4

Когда Хомяк ненадолго покинул комнату, Тушкан сказал:

– Поедем сегодня вечером в клуб.

Рэбит с некоторым удивлением подняла на него глаза:

– Поедем? То есть – этот клуб не в Форейн Сити?

– Этот клуб в городе.

Рэбит хмыкнула, изображая недоверие и сомнение – впрочем, не только наигранные:

– Ты же сам говорил, что за стеной много проблем.

– Не везде. В любом неблагополучном городе есть благополучные районы. Должны же где-то жить местные благополучные люди! Клуб в таком районе. В него ездят такие люди.

Она растерялась.

Что делать?

Конечно, она хочет поехать с ним. Но он целую неделю демонстрировал ей только ровное, доброжелательное, едва уловимое внимание. У нее создалось впечатление, что он присматривается к ней. Наблюдает. Внимательно слушает... Но не делает никаких явных шагов. Хотя он производит явное впечатление человека, который все время придумывает и делает новые шаги! Она видела, что понравилась ему. Но она не могла понять – будет он что-то предпринимать, или нет? Может, у него здесь куча телок. И еще одна не нужна. Может, он всегда реагирует на в принципе подходящих телок таким вот едва уловимым вниманием. Которое позволяет перейти к чему угодно, но ни к чему не обязывает...

Проявлять инициативу ей категорически не хотелось.

Тот, кто ей нужен, должен сделать все сам. Просто взять то, что ему принадлежит.

То, что она для него уже приготовила...

Несколько секунд он ждал.

Потом улыбнулся:

– У меня есть еще одно предложение. Давай считать, что три раза ты уже отказалась, а я все равно настаиваю. На три отказа нет времени. В любую минуту может вернуться Хомяк. Он явно равнодушен к тебе. И твое согласие может травмировать его психику. Он и так ходит к аналитику каждый месяц – видно, ему тут не слишком комфортно.

Этого она не ожидала. Так прямо... Конечно, он знает эти дурацкие игры в отказы. Но обычно их обходят негласно, делая вид, что поддерживают эту игру. Он хочет, чтобы она открыто капитулировала? Или... или это не предложение открытой капитуляции, а прямо противоположное – предложение встать над всеми играми, рядом с ним, на равных? То, чего не выиграешь ни в какую игру?

Давай просто обозначим сейчас: это место рядом с ним – мое! А потом, может быть, еще поиграем. Однажды снятая маска уже не обманет – но по-прежнему может развлечь.

– Хорошо. Поехали. Но хочу сказать, что тебе повезло. Я могла бы испугаться предложенного тобой социально-психологического стриптиза, и надолго отодвинуться. И пришлось бы тебе уговаривать меня не пять минут, а неделю. Что, если бы я отказалась?

Тушкан пожал плечами:

– Зачем? Все, чем тут можно развлечься, ты уже видела. И много раз видела раньше в Москве. Ты снова получила то, от чего и сбежала.

– Ты уверен, что я от чего-то сбежала?

– Мне так показалось. Ты сказала, что приехали сюда ради хорошей строчки в личном деле. Но еще я услышал и увидел много такого, что позволяет предположить – тебе не нравилось то, что у тебя было. И еще – что ты что-то ищешь.

– Ищу? Что?

Тушкан пожал плечами:

– Не могу сказать сразу. Возможно – ты пока тоже не можешь. Но... человек – естественное существо. Он фиг знает сколько миллионов лет жил в совершенно иной среде, чем та, где сейчас живем мы. Наша жизнь искусственно сконструирована. Да – сконструирована очень качественно. Все, что мы знаем с детства – в ней у нас есть. Но мы знаем только то, о чем нам сказали родители, воспитатели и учителя. А они сказали только о том, что есть в ожидающей нас жизни. Эта циклическая ссылка делает множество людей совершенно счастливыми. Но наше подсознание знает что-то еще...

Он замолчал.

– Что?

– Что-то такое, что психоаналитики, которые занимаются нашей тонкой, ранимой и требующей неустанной заботы психикой, называют темной стороной, инфернальностью, животными инстинктами и так далее. И стараются не анализировать это. О чем не говорят – того нет... Но они знают – ибо это не тайна, и чтобы ее узнать, надо просто читать книги – что человек по-прежнему то древнее существо, которое работает по программе инстинктов. Они знают, что все наши удовольствия – это награда от инстинктов за то, что мы выполняем их требования. Просто иногда инстинкты можно и обмануть. Та сказать, делать все с презервативом: кайф есть, последствий нет...

Неожиданная мысль вдруг пришла ей в голову. Нет, конечно – это только совершенно случайная мысль. Или совершенно случайных мыслей у людей не бывает?

Она усмехнулась:

– Первобытный способ обмана. Не люблю презервативы.

Он кивнул, но не улыбнулся в ответ.

– Так вот: иногда можно обмануть инстинкты, и взять кайф, а то, за что он дается – не сделать. Но не всегда... Для чего женщины продолжают заводить детей, если вместо алиментов, которые дискриминировали бывших жен небогатых чуваков, платится пособие из госфонда, всем одинаково, и нет никакой возможности заработать на ребенке богатого лоха?

Она пожалала плечами:

– Наверное, именно потому, что человек на самом деле – все то же древнее существо с древними программами. А не искусственный клон из прикольно-ненапряжно-секс. И если уж в нем включилась серьезная инстинктивная программа – он напряжется, но выполнит ее.

Тушкан кивнул:

– Вот именно. Если серьезная – напряжется, но выполнит. И никакие игрушки ее не заменят... Сможете прийти в восемь в гараж, двадцать второе парковочное место?

В гараж?

Честно говоря – она ожидала, что он за ней зайдет.

А впрочем – так лучше. Такие, как Тушкан, за телками не бегают. Кто бегают – ей давно не нужны. К тому, кто нужен, приятно прийти самой. Если не домой, так хоть на парковку.

– Смогу. Но почему в гараже? Не в фойе, например?

– В фойе вечно кто-то сидит. А я предпочитаю не афишировать личную жизнь – ни свою, ни тех, кто любезно ее со мной разделяет.

Интересно...

Не интересно. То есть, очень интересно, конечно. Но спрашивать она не будет. Она сняла маску, и показала: я претендую на то, чтобы быть на твоем уровне. Теперь маску можно снова надеть. И разыграть безразличие. Типа, плевать она хотела на его тонкие и сложные обстоятельства.

Не лишать же себя всего того кайфа, что эти дурацкие игры дают!

На двадцать втором парковочном месте стоял мотоцикл.

Настоящий мотоцикл. Она никогда не интересовалась в мотоциклами. Ездил пару раз пассажиром когда-то в студенческом детстве, и только. Но отличить мотоцикл от мопеда, конечно, могла. А в этом городе она не видела мотоциклов – только мопеды. Настоящий мотоцикл показался очень большим, серьезным и немного страшным. Страшным – но классным. Потому что приятно, когда у тебя что-то серьезней и больше, чем у других.

– Добрый вечер, леди, – Тушкан улыбался; видно, ситуация весьма развлекала его.

Она хмыкнула, изобразив очень легкое возмущение:

– Ты не сказал, что мы поедем на мотоцикле, чтобы выкатывать проблемки постепенно, по мере моего согласия с предыдущими?

Тушкан кивнул:

– Да – с одной стороны. С другой – юные леди, привыкшие получать от жизни приятные сюрпризы, обычно относятся к сюрпризам положительно.

Она еще хмыкнула, посмотрела на лежащий в сетке на багажнике шлем – второй висел на руле:

– Мне это надеть?

– Желательно. В городе нет полицейских на мотоциклах. Гоняться за нами некому. И почти нет улиц, по которым хотелось бы с кем-то гоняться – асфальт слишком плохой. В любом случае, несколько баксов решат проблему – тут живут небогато. Но разумные девушки не ездят без шлемов.

Она взяла шлем из сетки, и осторожно надела.

Посмотрела в зеркальце на руле – как это выглядит?

– Шлем украшает леди, – сказал Тушкан, – особенно, есть есть, что украшать.

Издавать тот же звук в третий раз ей не хотелось, и она молча пожала плечами.

– Я застегну, – сказал Тушкан.

Она повернулась к нему.

– Подбородок чуть вверх... вот так... очень хорошо... Очень...

Он оказался совсем рядом с ней, его руки – совсем рядом с ее лицом. С ее губами... Его замедляющийся к финалу фразы голос, говорящий про «очень хорошо», так и остался звучать в ее восприятии. И тогда она почувствовала: появилась теплая волна изнутри, и стала куда-то сносить.

Тушкан не спешил.

Это было и хорошо, и плохо.

Хорошо потому, что позволяло держаться за багажник. При большей скорости – думала она – ей пришлось бы последовать совету Тушкана, и держаться за него. А такое тесное соседство не отвечало текущему этапу игры.

Плохо – потому, что скорость не защищала от города.

Она смотрела вокруг и вспоминала, как летела с аэропорта на джипе, и от скорости казалось – да, это хреново, но не совсем настоящее. Не в ее мире. Город оставался картинкой из видео по Теории современной войны.

Неспешный байкинг создавал обратный эффект. Город оказался реальным. И эта реальность окружала со всех сторон.

Давно стемнело, и классический местный пейзаж стал полосами и пятнами света, вырванными из крошечной тьмы фонарями, вывесками и окнами.

Впрочем, картинка из Теории современной войны продолжалась недолго. Вскоре дома стали сначала почти, а потом и совсем настоящими. Мусор и запах исчезли.

Потом дома на одной стороне улицы кончились, уступив место деревьям. Среди деревьев вскоре обнаружился поворот, и они свернули туда. За поворотом тоже была улица, но совер-

шенно другая. Ни тротуаров, ни домов. Одни заборы, за которыми, подсвечивая деревья, то и дело виднелся рассеянный свет.

И – шлагбаум при въезде. И – будка с темным стеклом возле него.

Тушкан остановился перед шлагбаумом, стянул перчатку, вытащил из кармана карточку вроде банковской и приложил к столбику перед будкой.

Шлагбаум поднялся.

Улица с частными домами, что стояли за заборами в глубине немаленьких участков, с пальмами и газонами, тянулась с полкилометра. Потом Тушкан попетлял по похожим улицам, и выехал к еще одному шлагбауму – преодоленному той же карточкой – с такими же будкой и столбиком. За шлагбаумом короткая дорога вела на площадку, заставленную машинами. Только не такими, как в остальном городе. Нормальными машинами. Как в Москве, например. За площадкой светилось широкими окнами одноэтажное здание в местном стиле, с высокой крышей, имитирующей соломенную кровлю местного деревенского дома.

Тушкан заехал на стоянку, и остановился.

– Прибыли, леди. Позвольте помочь вам снять шлем...

Она не верила своим глазам.

Какая на фиг Центральная Африка!

Это Москва, Лондон или Нью-Йорк!

Клуб сиял самой модной подсветкой, самыми понтовыми отделочными материалами и абсолютной чистотой. Пахло ненавязчивой экзотикой, вроде дорогого парфюма. Все остальное было так же, как во всех виденных ею приличных клубах. Только чернокожие посетители преобладали над остальными. Но кроме цвета кожи, они ничем не отличались от остальных.

Фрагментарно освещенное помещение делилось на две части: повыше – со столиками, пониже – с танцполом. Для того, чтобы сидящие за столиками могли созерцать веселящихся внизу, словно это некое шоу?

Тушкан плюхнулся на стул за свободный столик на краю танцпола; свободных столиков было много, народ в основном стекал вниз.

Тотчас рядом возник человек в белом.

Тушкан что-то сказал ему; Рэбит не расслышала, что именно – мешала музыка.

– Что он должен принести? – спросила она, наклонившись к Тушкану.

– Местный фирменный коктейль. Он слабый, но вкусный. Леди должно понравится.

– Быстро он подошел.

– Здесь ко всем быстро подходят. Если у тебя есть карточка от ворот – к тебе надо подходить быстро.

И тотчас, подтверждая эту нехитрую мысль, перед ними явилось два стакана.

А еще – массивная, очень дорогая с виду пепельница темного камня, зажигалка и длинная сигарета на краю пепельницы.

Рэбит посмотрела на Тушкана; вполне очевидное подозрение отразилось в ее голосе:

– Что это?

– Трава. Для тебя. Я не курю. Вообще ничего.

– Трава? Здесь это можно?

Тушкан пожал плечами:

– В этой стране – нельзя. За этим шлагбаумом – можно. Здесь, как и в бандитских районах, никогда не бывает полиции. Не ее территория. Здесь своя охрана. И свои дела.

Несколько секунд она переваривала эту несколько неожиданную информацию.

– А... что будет, если я покурю? Я никогда не курила такого...

– Почти ничего. Здесь очень маленькая доза. И вторую не принесут. И еще я надеюсь, что второй у тебя никогда и не будет.

– Почему?

– Потому, что надо учить свой пока еще здоровый организм выдавать столько естественных наркотиков, сколько тебе хочется. Вся эта хрень, – он кивнул нас сигарету, – в основе своей то же самое, что выделяется у любого нормального человека. Поэтому нормальные не ширяются. Попробуй. Полагаю, ты со мной согласишься.

Потом потекло какое-то странное время, которое она не могла точно вспомнить.

Они сидели и молчали. Пили коктейль. Она не спеша курила. Пару раз она забывала о сигарете, и та тухла. Потому что – и верно – ничего особенного в сигарете не оказалось. Самое интересное было в другом.

В ней самой. Что-то такое, что началось еще на стоянке в бизнес-центре, когда Тушкан застегивал на ней шлем. Что-то плавно всплывало из каких-то глубин, и она думала, что ощущение это знакомо ей – но не по реальности, а по мечтам. Словно оттуда, из глубины, явилось невиданное ею существо – и когда оно обернулось, она увидела собственное лицо.

И еще этому ощущению очень помогала музыка. Музыка такой не слыхала она никогда.

Ни одной известной, модной в клубах композиции.

Наверное, это и музыкой нельзя было назвать. Потому, что отсутствовала мелодия. Несколько барабанов – невидимых, но ощутимо живых, нефонограммных – создавали ритм. Этот ритм сочетался с колебаниями света. Но не ярко-раздражающе-утомительными – здесь вообще не было ничего слишком яркого – а едва заметными. Двойной ритм: быстрый и медленный. Не слишком быстрый и не слишком медленный. Но все же они позволяли чувствовать разное. В конце концов ей стало казаться, что этот ритм появился и внутри нее. Двойной – одновременно. И быстрый оказался быстрее, чем тот, что был у нее, когда она сюда вошла. Она одновременно и разгонялась, и плавно уплывала куда-то.

И конечно, дело было в человеке, рядом с которым она находилась.

Тушкан пребывал в спокойной позе, откинувшись на спинку стула. Но не развалившись, а так, что его спокойствие сочеталось с собранностью – точно он готов в любой момент сделать любое движение. Она так и чувствовала: это спокойствие – готовность к движению; оно для того и нужно, чтобы движение – неосознанное, непридуманное – вышло быстрым, не тормозимым размышлениями. Чувствовала и думала: я никогда не ощущала так присутствие другого человека рядом с собой...

Она в очередной раз посмотрела на танцпол, и тогда совершенно явственное желание появилось вдруг у нее, и она сказала то, чем удобнее всего было выразить это желание сейчас:

– Я хочу танцевать.

И в упор посмотрела на него.

Он чуть обернулся к ней:

– Иди. Я посмотрю.

Она удивилась. Ей казалось, что он должен хорошо танцевать. У него были такие движения – неспешные, свободные, безо всякого напряжения. Такие движения не натренируешь в спортзале. Они идут из того, что в голове. Она удивилась когда – еще в офисе – поняла, как именно он двигается; она очень редко видела, чтобы человек двигался так; может быть – вообще никогда. Она думала: эти движения отражают полную внутреннюю свободу и уверенность. Какое-то знание, которое и позволяет быть внутренне свободным. Совершенно свободным и совершенно уверенным в истинах, недоступных почти никому. И – очень важно – лишенным малейшего конфликта с собой, словно все вопросы давно решены и все ответы получены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.